

УДК 322:281.93

UDC 322:281.93

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)

RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE POST-REFORM PERIOD (ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Беликова Наталья Юрьевна
к.и.н., доцент, заместитель декана по научной и инновационной деятельности социально-гуманитарного факультета
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия

Belikova Natalia Yurievna
Cand.Hist.Sci., associate professor, Deputy Dean of Research and Innovation of the Faculty of Social Sciences and Humanities
FSBEE HPE Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia,

В статье исследуется процесс развития взаимоотношений государства и Русской православной церкви во второй половине XIX века. В статье рассматривается законодательная деятельность государства в отношении Церкви. Показаны изменения религиозной жизни общества в пореформенный период

The article explores the process of relationship development between the state and the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX century. The article considers the legislative activity of the state against the Church. Changes in the religious life of society in the post-reform period are shown

Ключевые слова: ИДЕОЛОГИЯ, ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ, ЗАКОН, ПОДЧИНЕНИЕ, РЕФОРМЫ, СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

Keywords: IDEOLOGY, ORTHODOX CHURCH, STATE RELIGION, LAW, SUBORDINATION, REFORMS, CLERGY

До октябрьских событий 1917 г. Русская Православная церковь официально занимала особое место среди религиозных конфессий России. Православие считалось государственной религией. «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная католического восточного исповедания»,- гласил закон [1]. В течение многих веков православие являлось и наиболее массовой религией в России, что подтверждают данные «Первой всеобщей переписи населения 1897г.»: численность православных составляла 87,3 млн. человек или 69,5% всего населения Российской империи. В Кубанской области православные составляли 91,06 %, в Ставропольской губернии 91,14%, в области Войска Донского 90,49% [2]. Данные этой переписи говорят о том, что в Кубанской области, Ставропольской губернии и на Дону православных было больше на 20%, чем по России в целом. Юг России, несмотря на свою полиэтничность, оставался одной из главных православных провинций страны.

В начале XX века официальное положение РПЦ в Российском государстве определялось в основном законодательными актами, принятыми еще в первой четверти XVIII в. Именно тогда были юридически оформлены взаимоотношения между РПЦ и государством. В 1721 г. был издан «Духовный регламент», определивший обязанности, права и привилегии русского духовенства. Самым крупным нововведением «Духовного регламента» было юридическое упразднение патриаршества и создание коллегиального органа управления церковью Святейшего Синода. Хотя коллегиальное управление само по себе не могло произвести принципиального изменения в отношениях между Церковью и государством, не будь «Духовный регламент» документом чисто государственного законодательства.

По мнению И.К. Смолича в процессе петровских реформ оформилась государственная церковность[3]. С выходом «Духовного регламента» РПЦ стала составной частью государственного аппарата, а Святейший Синод – государственным учреждением. А.Д. Градовский объяснял это положение следующим образом: «Святейший Правительствующий Синод называвшийся ранее Духовной коллегией, был учрежден государственным актом, а не церковным – «Духовным регламентом... По взгляду «Регламента», Синод должен был быть государственным установлением, зависящим от светской власти»[4]. Таким образом этот документ оформил подчинение РПЦ государству.

Основные идеи «Духовного регламента» наложили свой отпечаток на последующее законодательство, хотя сам «Регламент», оставаясь действующим законом, не был полностью кодифицирован в Свод законов Российской Империи 1832 г. В конце XVIII – начале XIX в. происходило усиление вмешательства светской власти в дела Церкви, все более и более превращавшего всю церковную организацию в разновидность государственного аппарата. В 30-ые гг. XIX в процесс огосударствления

РПЦ был завершен. Так как в Своде законов Российской Империи 1832 г. содержалось религиозное обоснование самодержавной власти и тем самым определялись взаимоотношения государства и церкви. «Император всероссийский, - гласил закон, - есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает»[5]. Концепция верховной власти, зафиксированная в «Своде», не оставляла сомнений в подчиненном положении РПЦ.

«Свод законов» имел большое юридическое и практическое значение для РПЦ. Во-первых, он узаконил установившиеся отношения между государством и Церковью. Во-вторых, в различных томах «Свода» фиксировались права и обязанности духовенства, которое рассматривалось как особое сословие. Но с другой стороны, то же законодательство сделало духовенство замкнутым сословием: лицам податных сословий поступление в духовенство было затруднено, особенно в клир, на священнические места. Выйти из сословия было тоже затруднительно, да и невыгодно, сложившего сан ждали кары, а дети при выходе теряли льготы. Кроме того, закон обязывал белое духовенство отдавать сыновей в духовные учебные заведения – профессиональную школу церкви.

Особенностью положения духовенства на Юге России являлось деление его вплоть до времен Советской власти, на две категории: казачьего происхождения и иногороднего. От того, к какой из них относилось духовное лицо, зависело его благосостояние, быт, личные права. Дети священнослужителей казачьего происхождения до поступления в духовные учебные заведения числились в общем, составе войска и зависели от войскового начальства. Если они поступали в духовное училище или семинарию, то на время учебы освобождались от исполнения всяких станичных и земских повинностей службы по войску. Окончившие духовные учебные заведения и получившие места при

церквях после соответствующего обращения епархиального владыки к наказному атаману исключались из списка служащих казаков, но во всех официальных документах указывалось их казачье происхождение. Те же, кто был отчислен из учебных заведений за плохое поведение или неуспеваемость либо лишен места причетника за проступки, снова возвращались в распоряжение войсковых властей и должны были проходить службу наравне со всеми казаками. А дети духовенства иногороднего происхождения оставались в полном ведении епархиальных властей на тех же основаниях, как дети православного духовенства не казачьих территорий[6]. Разница совершенно очевидна: первые сохраняли привилегии и льготы казака, вторых ждало тягло либо несладкая воинская служба, перед которой российское духовенство испытывало самый настоящий страх. Вопреки общероссийскому законодательству о православном духовенстве, в войсках сохраняло значение происхождение духовного лица, непосредственно влияя на его жизнь.

Из выше сказанного следует, что на казачьих территориях проводилась особая политика в отношении РПЦ. Она опиралась на историческую традицию в отношениях казаков с Церковью и российским самодержавием, и служила главной идее: сохранению казачьих войск. Эта политика способствовала тому, что здесь к 1860-м годам положение православного духовенства сохраняло некоторые заметные отличия от общероссийского фона. Если православное духовенство в целом представляло собой единственное замкнутое сословие, то духовенство казачьего происхождения таковым никогда не было: дети могли не идти по стопам отцов, а свободно избрать казачью службу.

Реформы Александра II внесли некоторые изменения в отношения духовенства с государственной властью, однако, не такие радикальные, как в других областях общественной жизни. Реформы предпринимались для укрепления основ самодержавия. Правительство желало достичь, по

крайней мере, двух целей: восполнить нехватку учителей начальной школы и Закона божия и отдать в надежные руки дело нравственного воспитания простого народа [7].

Определенные надежды руководители реформы возлагали на земские учреждения, что вполне отвечало основополагающему принципу их программы: использовать все возможные местные источники обеспечения причтов. Но земства представляли особенный интерес, с той точки зрения, что в них на вполне законной основе могло участвовать белое духовенство, получая, таким образом, дополнительную возможность защиты своих интересов и укрепления авторитета. Немаловажным являлось и то обстоятельство, что именно на земства правительство возлагало большие надежды в развитии сети элементарных школ. Следовательно, в этом вопросе задачи земств и церкви совпадали. Одна из сторон могла дать крестьянской школе учителя, но не имела материальных ресурсов для устройства необходимых помещений. Другая, наоборот, могла успешно решать проблемы размещения учеников, обеспечения их литературой, но нуждалась в учителях. На основании своего права распоряжаться церковноприходскими землями духовенство получило, согласно Уставу о земствах от 1864 г. активное и пассивное избирательное право в отношении этих органов самоуправления в уездах и губерниях. Привлечение духовенства к участию в земских учреждениях стало важным шагом к увеличению личных прав приходского духовенства[8].

Другим направлением реформы стала ликвидация замкнутости духовного сословия. Это произошло после принятия закона от 26 мая 1869 г., который объявил детей духовенства не принадлежащими более к сословию, но сохранил за ними льготы и права, в том числе свободу от рекрутской повинности и обучение в духовно-учебных заведениях. «Положение о духовных школах, которое было утверждено Александром II в 1867г. предусматривало наличие в каждой епархии не менее одной

семинарии. Устанавливался шестилетний срок обучения. При этом, для тех кто изъявлял желание, по окончании семинарии стать священником, обучение было бесплатным. А хорошо успевающим учащимся выплачивалась стипендия[9].

Закон от 26 мая 1869 г. был тесным образом связан с реформой учебных заведений. Устав гимназий и Устав военных училищ 1866 г., Уставы семинарий и духовных академий 1867 и 1869 гг. открывали сыновьям духовенства двери светских учебных заведений и освобождали их от обязательного обучения в духовных заведениях[10]. Уставы учебных заведений возникли под воздействием реформаторских настроений в обществе и тенденций государственной политики 60-х гг. Уже вскоре дети духовенства стали использовать свои права, даже окончившие полный курс семинарии теперь часто шли в гражданскую службу, поступали в светские высшие и специальные учебные заведения, особенно на историко-филологические и юридические факультеты университетов. Так, например, в Терской области в 1888 году насчитывалось 134 различных учебных заведений, в которых обучались наряду с детьми дворян дети священнослужителей[11].

Церковные реформы, проведенные при Александре II, расширили права приходского духовенства в церковном управлении на местах, облегчили процедуру снятия священником с себя сана и последствия этого акта. Была расширена сеть церковноприходских школ и повышен уровень преподавания в них, равно как и академический уровень семинарий, открыв выпускникам семинарий, доступ в университеты; улучшено было материальное положение духовенства. Причиной этих реформ была боязнь распространения атеизма как предвестника революции.

По мнению Д.В. Поспеловского, открывая семинаристам доступ в университеты, обер-прокурор Д.Толстой надеялся усилить консерватизм студенчества. Укрепляя и поддерживая церковноприходские школы, он

пытался замедлить рост земских начальных школ, где учителями были, в основном, радикалы народники [12]. Но эта цель не была достигнута. Революционная пропаганда проникает во все более широкие слои населения. Уже к концу реформ оказалось, что среди радикалов немало вчерашних семинаристов, детей духовенства.

По мнению обер-прокурора К.П. Победоносцева, предпринятые в 60-е гг. церковные реформы не способствовали укреплению самодержавия. 29 апреля 1881 г. был обнародован написанный К.П. Победоносцевым манифест «О незыблемости самодержавия». В нем провозглашалось, что император «с верою в силу и истину самодержавной власти» будет ее «утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»[13]. Данный манифест определил политическую линию царствования Александра III. Этот период отмечен серией реакционных преобразований, направленных на пересмотр сложившейся системы буржуазного законодательства. Консервативно-охранительное направление выступило за сохранение самодержавия и его опоры корпоративной структуры общества. И провозгласило основополагающим православие, так как оно было консервативным, как и самодержавие.

Опираясь на поддержку светской власти, К.П. Победоносцев стремился поднять религиозность русского народа, распространить православие и среди нерусских народов, особенно в Западных и Южных губерниях России. Для этого были восстановлены закрытые в 60-70 годы церковные приходы и открыты новые. В Кавказской епархии к 1875 г. насчитывалось 450 церквей [14], в том числе в Ставропольской губернии 113, Кубанской области – 220, в Терской области- 77, в Черноморском округе – 15. И с каждым годом число приходов росло, достигнув в 1885 г – 600 [15]. Такой рост епархии привел в 1885 году к разделению ее на Ставропольскую, Владикавказскую, и Сухумскую епархии. Цифры показывают увеличение числа храмов в России в XIX и начале XX вв. Так

в России было: 1825- 27.585; 1855- 48.318; 1907- 71.526; 1912- 76.394; 1914- 66.908 [16]. Основной рост наблюдался в период с 1855 по 1907 гг. Именно в это время в стране предпринимался ряд социально-экономических реформ, которые повлекли за собой изменение и в религиозной жизни общества. В частности, увеличение числа православных храмов. Консервативно-охранительное течение выступило против европеизации страны. Так как религия, а в России это было православие, играла важную роль в сохранении системы государственной власти, то проводились мероприятия по укреплению позиций РПЦ. Только за время царствования Александра III в России ежегодно возводилось до 250 церквей, на 22% увеличилась численность священнослужителей [17]. По данным статистического отчета «О распределении населения Кубанской области по сословиям за время с 1890 по 1904 гг.» отслеживается увеличение численности духовенства в Кубанской области, так в 1890 г. насчитывалось 5.417 священнослужителей, а в 1904 г. их уже 7.680, таким образом, увеличение составило 2.263 человека [18].

Большой интерес представляют сведения об образовательном цензе кавказских священников. В 1878 г. из 535 священников 450 имели богословское образование, закончив полный курс духовной семинарии; 40 человек ограничили свое семинарское образование философским курсом и 45 человек – мене 9% - не имели надлежащего духовного образования [19]. Из приведенных данных следует, что в Кавказской епархии преобладали священнослужители с семинарским, а не академическим образованием. К.П. Победоносцев боялся просвещенного духовенства, сокращал количество мест в духовных академиях. Предпочитая священников с семинарским, а не академическим образованием, он ввел строго состязательный отбор семинаристов в академии и почти закрыл туда доступ выпускникам светских школ.

В изданных 13 июня 1884 г. «Правилах о церковноприходских школах» говорилось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности и сообщать первоначальные полезные значения»[20]. После издания «Правил о церковноприходских школах» в стране наблюдался их бурный рост. Например, в Ставропольской епархии 1889 г. насчитывалось около 200 ютившихся в сторожках церковноприходских школ, в которых училось 6000 детей. Через несколько лет школ уже было 327, а число учащихся в них достигло 13 000. За это время в приходах возникло 100 новых школьных зданий [21]. Церковноприходская школа, которую насаждал обер-прокурор, должна была на этом и кончаться, а не быть первой ступенью к дальнейшему образованию. Так как из семинарий выходили не только верные служители Бога, но и атеисты-вольнодумцы, расшатывающие основы самодержавия.

Хотя расширение сети церковноприходских школ и преследовало откровенно утилитарно-политические цели, тем не менее, на Юге России они сыграли немалую положительную роль в распространении грамотности среди как православного, так и неправославного населения. Большое внимание уделялось христианскому просвещению калмыков Больше-Дербетовского улуса. И как итог, в мае 1889 г. было совершено первое массовое крещение 50 калмыков. Вскоре из крещеных калмыков образовался Князе-Михайловский поселок, получивший свое название в память погибшего мученической смертью в Татарской Орде св. Благоверного князя Михаила Тверского. Так в калмыцких степях Ставрополя было положено начало Князе-Михайловскому миссионерскому стану.

Для укрепления РПЦ стали расширять в 80-90 годы XIX в. церковную печать и открывать всевозможные церковные общества. На Юге России издавались «Кавказские епархиальные ведомости» (с 1886 г. –

«Ставропольские епархиальные ведомости»), «Кубанский церковный вестник», «Ставропольские епархиальные ведомости»[22]. Особенностью возникших изданий, было стремление отойти от роли официального информатора о фактах церковной жизни и «войти в каждый дом» в качестве проповедника. Они отражали специфические особенности каждого района.

К началу XX века в Ставропольской епархии действовали три братства: Свято-Осиевское в Майкопе, Александро-Невское в Екатеринодаре и Андреевско-Владимирское в Ставрополе. Основной задачей этих братств являлось распространение христианства на Северном Кавказе и «ограждение городского населения от вредных влияний на него лжеучений различного рода сектантов и раскольников»[23]. Братства находились под руководством епископа Ставропольского и Екатеринодарского, но у Александро-Невского религиозно-просветительного общества официальным покровителем был объявлен Наказной атаман и Начальник Кубанской области [24]. Таким образом, в казачьих областях деятельность братств контролировалась не только главой епархии, но войсковым начальством.

Подчиненная государству РПЦ выполняла целый ряд обязанностей: воспитывать верноподданнические чувства, поддерживать существующие порядки, пропагандировать идеи самодержавия. Закон, возложив на церковь ведение актов гражданского состояния, требовал от православных подданных непременно, хотя бы раз в год, бывать у исповеди и причастия. О случаях упорного уклонения от исповеди и причастия духовенство должно было доводить до сведения гражданских властей. А также священнослужители обязаны были под угрозой строгих наказаний доносить властям о ставших им известными на исповеди намерениях к государственной измене или бунту.

Подобные предписания содержались в правовых актах и в отношении духовенства других исповеданий, несмотря на то, что закон провозглашал тайну исповеди, которую священник не имел права нарушать без согласия исповедовавшегося ему лица. В исполнении своих функций РПЦ опиралась на поддержку светской власти, охранявшей ее прерогативы в законодательном порядке и принимавшей меры к укреплению ее влияния и авторитета в народных массах. Полиции, например, было поручено следить за порядком при богослужении, предупреждать и пресекать уклонения от церковных правил, отступление от православной веры. За нарушения устанавливались суровые наказания. Так, за «хулу на бога в церкви налагалось лишение прав состояния и ссылка на каторжные работы».

Ни одна область жизни церкви к началу XX века уже не оставалась без стороннего вмешательства. Государство не только определяло характер своих отношений с Церковью, но и Церкви с обществом. Регламентация религиозной жизни государственными законами, особенно в XIX и н. XX вв., многими воспринималось как проявление религиозной нетерпимости и принуждения, которым противопоставляли требование свободы совести. Но государственные меры по охране чистоты веры в народе были логическим, часто даже неизбежным следствием подчинения РПЦ государству.

РПЦ заботливо культивируемая законодательством, охраняемая от малейших посягательств суровыми уголовными карами, имея во главе священную особу государя императора, являлась частью государственного бюрократического аппарата, стоявшего на страже существующего политического порядка. К началу XX века в ее владении находились 4 духовных академии, 53 семинарии, 35.000 начальных школ, 55.173 приходных храмов и 25.000 часовен. Православных верующих обслуживало 163 епископа и 51.105 священников. В 1.257 монастыря

находилось 33.572 монаха и монахини и 73.463 послушника и послушницы. На исходе XIX века русское монашество вступило в период своего расцвета: только за два последних десятилетия перед революцией было основано еще 165 монастырей и 9 из них на территории Северного Кавказа. В это время только на Кубани действовало 450 приходов и 5 монастырей [25].

Вся территория страны подразделялась на епархии. Рост числа епархий иллюстрируют следующие данные: 1855г. – 55; 1900г. – 65; 1917г. – 68 [26]. Наблюдался внешний рост РПЦ.

В 1917 г. на Юго-востоке России действовали епархии: Ставропольская, Владикавказская и Донская. Епархии являлись основным звеном местного церковного управления. Особенностью административно - территориального деления Церкви было то, что границы епархии, как правило, совпадали с границами губерний. Так обеспечивался дополнительный контроль над церковью и необходимое согласование действий светской и духовной властей. И тот факт, что главу епархии назначал император из трех предлагаемых Синодом кандидатов в архиерейских чинах, еще раз подтверждает вывод о государственном подчинении РПЦ.

В истории России взаимоотношения государства и РПЦ всегда носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны государство стремилось укрепить позиции РПЦ, проводя целую серию реформ, с другой, оно постепенно подчиняло ее, лишая самостоятельности. В итоге с утверждением абсолютизма в России РПЦ фактически оказалось в полном подчинении у светской власти, а управление церковью превратилось в часть государственного аппарата по церковным делам. Российский император официально считался главой РПЦ. Сама Церковь была лишена законодательной инициативы. РПЦ, как непосредственно связанная с государственной властью и зависящая от нее,

служила важным орудием проведения политики самодержавия: она выполняла функцию нравственного воздействия на народные массы с целью воспитания их в духе покорности престолу.

На казачьих территориях Дона и Кубани РПЦ занимала особое положение, так как, ее деятельность в этом регионе контролировалась не только государством, но и войсковым начальством. Что было связано с исторической традицией в отношениях казаков с церковью и российским самодержавием, и служила главной идее: сохранению казачьих войск. Положение духовенства на юге России отличалось рядом особенностей. Вплоть до времен советской власти оно делилось на две категории: казачьего и иногороднего происхождения. Если православное духовенство в целом представляло собой замкнутое сословие, то духовенство казачьего происхождения таковым никогда не было.

Литература

1. Свод законов Российской Империи 1857 г.- СПб, Т. 1. Осн. Государств. Зак. Ст. 40.
2. Беликова Н.Ю. Влияние модернизационных процессов на религиозную жизнь общества в начале XX века (на материалах юга России) // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2013. №2. С.36-41.
3. Смолич И. К. История Русской Церкви 1700 – 1917.- М., 1996. Т. 8. Ч. 1. 799 с.
4. Градовский А. Д. Начало русского государственного права.- СПб., 1887. Т.2.
5. Свод законов Российской империи. - СПб., 1904. Т.1. Ч.1. Ст. 40,41.
6. Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ.- М., 1999. 567 с.
7. Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему.- Ростов н/Д., 1998. 336 с.
8. Он же.
9. История России XIX- начала XX в. /Под ред. В. А. Федорова.—М., 2000. 743 с.
10. Смолич И. К. Указ. соч.
11. Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков.- Армавир, 2005. 129 с.
12. Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР.- М., 1996. 408 с.
13. История России XIX- начала XX вв. /Под ред. В. А. Федорова.—М., 2000. 743 с.
14. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) Ф.135. Оп. 30. Д. 891. Л. 203 об.

15. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. Расцвет христианства на Северном Кавказе //Родная Кубань, 2000.-№1.- С. 24-29
16. Смолич И. К. Указ. соч.
17. История России XIX-начала XX вв. /Под ред. В. А. Федорова.—М., 2000. 743 с.
18. Ширшенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Статистический очерк. Выпуск первый. Кубанская область. - Екатеринодар, 1906.
19. Гедеон. Указ. соч.
20. История России XIX- начала XX вв. /Под ред. В. А. Федорова.—М., 2000. 743 с.
21. Гедеон. Указ. соч.
22. Православная Церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. – Краснодар, 2001. 727 с.
23. «Ставропольские епархиальные ведомости», 1892. - №9.
24. Православная Церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. – Краснодар, 2001. 727 с.
25. Макаренко П. В. Прости нас, господи...// Родная Кубань, 1998. № 4.- С. 7-9
26. Смолич И. К. Указ. соч.

References

- 1.Svod zakonov Rossijskoj Imperii 1857 g.- SPb, T. 1. Osn. Gosudarstv. Zak. St. 40.
- 2.Belikova N.Ju. Vlijanie modernizacionnyh processov na religioznuju zhizn' obshhestva v nachale XX veka (na materialah juga Rossii) //Izvestija vuzov. Severo-kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. 2013. №2. S.36-41.
3. Smolich I. K. Istorija Russkoj Cerkvi 1700 – 1917.- М., 1996. Т. 8. Ch. 1. 799 s.
4. Gradovskij A. D. Nachalo russkogo gosudarstvennogo prava.- SPb., 1887. Т.2.
5. Svod zakonov Rossijskoj imperii. - SPb., 1904. Т.1. Ch.1. St. 40,41.
6. Rimskij S. V. Rossijskaja cerkov' v jepohu velikih reform.- М., 1999. 567 s.
7. Rimskij S. V. Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo v XIX veke. Donskaja eparhija: ot proshlogo k nastojashemu.- Rostov n/D., 1998. 336 s.
8. On zhe.
9. Istorija Rossii XIX- nachala XX v. /Pod red. V. A. Fedorova.—М., 2000. 743 s.
10. Smolich I. K. Ukaz. soch.
11. Chikaeva K.S. Dvorjanstvo Severnogo Kavkaza v konce XIX – nachale XX vekov.- Armavir, 2005. 129 s.
12. Pospelovskij D. V. Pravoslavnaja Cerkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR.- М., 1996. 408 s.
13. Istorija Rossii XIX- nachala XX vv. /Pod red. V. A. Fedorova.—М., 2000. 743 s.
14. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK) F.135. Op. 30. D. 891. L. 203 ob.
15. Gedeon, mitropolit Stavropol'skij i Bakinskij. Rascvet hristianstva na Severnom Kavkaze //Rodnaja Kuban', 2000.-№1.- S. 24-29
16. Smolich I. K. Ukaz. soch.
17. Istorija Rossii XIX-nachala XX vv. /Pod red. V. A. Fedorova.—М., 2000. 743 s.
18. Shirshenko A. I. Pravovoe i jekonomicheskoe polozhenie inogorodnih na Severnom Kavkaze v svjazi s hozjajstvennym razvitiem kraja. Statisticheskij ocherk. Vypusk pervyj. Kubanskaja oblast'. - Ekaterinodar, 1906.
19. Gedeon. Ukaz. soch.

20. Istorija Rossii XIX- nachala XX vv. /Pod red. V. A. Fedorova.—M., 2000. 743 s.
21. Gedeon. Ukaz. soch.
22. Pravoslavnaja Cerkov' na Kubani (konec XVIII – nalalo XX v.). Sbornik dokumentov. – Krasnodar, 2001. 727 s.
23. «Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti», 1892. - №9.
24. Pravoslavnaja Cerkov' na Kubani (konec XVIII – nachalo XX v.). Sbornik dokumentov. – Krasnodar, 2001. 727 s.
25. Makarenko P. V. Prosti nas, gospodi...// Rodnaja Kuban', 1998. № 4.- S. 7-9
26. Smolich I. K. Ukaz. soch.